

A $\frac{228}{929}$

DECEMBER

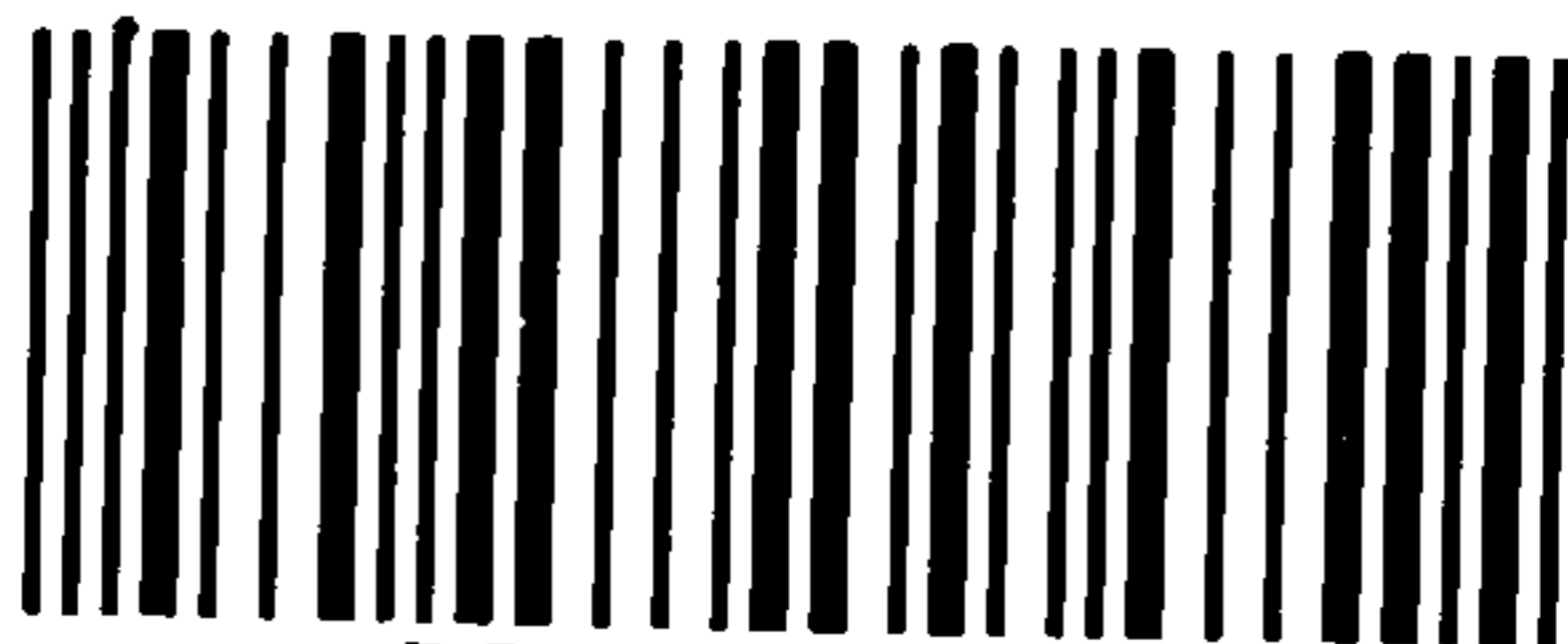
ЖЕНЩИНА

XVIII.го стол.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

В. Л. СИНХЕВИЧА.

1. Евдокія Ѳедоровна, царица.
2. Софія, царевна.
3. Долгорукая, Н. Б., княгиня.
4. Меншикова, М. А., княжна.
5. Анна Петровна, принцесса.
6. Анна Іоанновна, императрица.
7. Елисавета Петровна, императрица.
8. Воронцова, А. К., графиня.
9. Дашкова, З. Р., княгиня.
10. Державина, Е. Я.
11. Екатерина II, императрица.
12. Долгорукая, Е. О., княгиня.
13. Строганова, Н. М., графиня.
14. Семенова, Е., актрисса.
15. Салтыкова, княгиня.
16. Сушкова, М. В.
17. Шереметева, П. И., графиня.
18. Марія Ѳедоровна, императрица.

2007081203

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

XVIII СТОЛѢТІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Вл. Мухомова.

Южно-Русское Книгоиздательство

Ф. А. Иогансона.

ВЪ КІЕВѢ,

рещатикъ и Ирорѣзная улица, № 1.
околь, Александр. ул., д. Рихерта.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

Уголъ Московской улицы и Слесар-
наго переулка, д. Иванова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Октября 1894 года.

Кієвъ.

Типографія И. И. Чоколова, Мало-Житомирская ул., д. № 4
1895.

Посвящаю женѣ моей

Елизаветѣ Николаевнѣ

Мишеневнѣ

Вл. Михневичъ.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

I.

Вмѣсто введенія.

Съ легкой руки историковъ-апологистовъ петербургскаго преобразовательнаго періода, пошло ходить по свѣту устойчивое мнѣніе, что между русской теремной женщиной старо-московскаго порядка и выведенной изъ терема русской свѣтской «дамой» XVIII столѣтія легла огромная разница въ общественно-правовомъ и умственно-культурномъ отношеніяхъ.

Это несовсѣмъ вѣрно.

Оговариваемся, что мы разумѣемъ, именно, *теремницу* и *даму*, т. е. представительницу высшихъ привилегированныхъ классовъ, потому что о неощутительности перемѣны, въ указанныхъ отношеніяхъ, въ положеніи русской простонародной женщины-крестьянки, со временъ домостроевскихъ и даже по наши дни—не можетъ быть никакого спора. Тѣ же «три тяжкія доли» несла «женщина русской земли»—крестьянка триста лѣтъ тому

назадъ, какъ несутъ ихъ и понынѣ. Какъ нынѣ, такъ и тогда, поэтъ съ одинаковымъ основаніемъ могъ воскликнуть ей изъ глубины наболѣвнаго сердца:

„Ты вся воплощенный испугъ! /
Ты вся вѣковая истома?“

Въ этихъ двухъ выразительныхъ стихахъ вся, можно сказать, и древняя, и средняя, и новая исторія русской сельской женщины и—намъ прибавить къ ней отъ себя нечего. Притомъ-же, крестьянка и, вообще, женщина низшаго общественнаго слоя на Руси никогда не была теремной затворницей и жила въ совершенно иныхъ бытовыхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, полумонастырскія и полугаремныя, въ какія была поставлена московская боярыня или холеная купчиха богатой «гостинной сотни».

Велѣдствіе всего этого, петровская стремительная эмансипація, съ ея либеральными и культивирующими результатами для личности русской женщины, коснулась только одной представительницы высшихъ, «правлящихъ» классовъ и была ея лишь исключительнымъ приобрѣтеніемъ.

Какъ же она воспользовалась этимъ приобрѣтеніемъ? Мы хотимъ спросить: въ какой степени наши салонныя, декольтированныя по парижской картинкѣ, съ кокетливыми мунками на засыпанномъ пудрою лицѣ, «щеголихи» прошлаго вѣка эмансипировались на самомъ дѣлѣ отъ вѣковыхъ тяжелыхъ путъ умственной неподвижности, невѣжества, предразсудковъ и безправія, которыя дѣлали ихъ матерей и бабушекъ, допетровской эпохи, «породнымъ разумомъ простоватыми, и на отго-

воры несмысленными», по характеристикѣ Котлихина? Въ какой степени, говоря общіе, духовная индивидуальность русской женщины стала развитѣе, выше и самобытнѣе въ XVIII столѣтіи, сравнительно съ предшествовавшимъ вѣкомъ?

Вопросъ этотъ, составляя одну изъ намѣченныхъ нами главныхъ вѣхъ предлагаемаго изслѣдованія, нуждается въ провѣркѣ. До сихъ поръ, какъ мы сказали выше, отвѣтъ на него давался, болышею частью, въ смыслѣ положительномъ и даже апологическомъ, подогрѣтомъ панегиристами пореформенной эпохи нашей исторіи. И такой отвѣтъ, если не вполнѣ вѣренъ, то совершенно естествененъ: онъ прямо вытекалъ изъ господствовавшихъ въ нашей новѣйшей литературѣ и въ обществѣ «петербургскаго» уклада воззрѣній на эту эпоху и на ея значеніе въ русской исторіи.

Мы привыкли такъ рѣзко и круто различать петровскій періодъ отъ предшествовавшаго, противопоставляя ихъ одинъ другому, какъ два діаметрально-противоположные міра, и съ такимъ безпощаднымъ отрицаніемъ относиться къ міру старо-московскому въ пользу петербургскаго, что культурное превосходство русской женщины новѣйшей генераціи не подлежало въ нашихъ глазахъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Нужно замѣтить, вообще, что до послѣдняго времени наша новѣйшая историческая литература «западническаго» оттѣнка, поставивъ себѣ главной цѣлью оправдать петровскій переворотъ и доказать историческую цѣлесообразность сопровождавшихъ его насилій надъ обычаями и нравами народа, отличалась болышею частью

полемическимъ характеромъ. А гдѣ полемика, гдѣ предвзятая идея, тамъ неизбѣжны увлеченія и преувеличенія тѣхъ фактовъ и явленій, которые могутъ говорить въ пользу этой идеи.

Кажется, въ настоящее время вполне сознаны бесполезность и ненаучность такого метода изслѣдованія, да и реформы Петра I не нуждаются болѣе въ оправданіи. На мѣсто историковъ-адвокатовъ и панегиристовъ выступаютъ историки-физиологи, анализирующіе прошлое народа въ строгихъ границахъ науки и установленныхъ ею законовъ человѣческаго, личнаго и социальнаго развитія.

Съ точки зрѣнія этихъ началъ, историческій ходъ русской жизни послѣднихъ двухъ столѣтій получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ то, къ которому приучили насъ глаза историки задняго числа. Во всякомъ случаѣ, предстоитъ значительно сѣздить въ нашемъ представленіи воображаемую безпредѣльную пропасть, расколовшую надвое историческую территорію нашего прошлаго и составляющую Standpunkt въ его изученіи. Приходится убѣдиться, что эта роковая трещина имѣетъ не мало спаекъ и точекъ соприкосновенія съ обоими своихъ краевъ, что она, въ дѣйствительности, была далеко не такъ широка и глубока, какъ ее старались изобразить наши бытописатели, славянофилы и западники. Главное, она не была и не могла быть, по отношенію къ жизненнымъ основамъ, такой внезапной и вулканической, какою мы приучились ее себѣ представлять.

Вообще, прежняя наша историческая школа очень плохо соблюдала требованія перспективы въ живописа-

ніи прошлаго, внося въ него преднамѣренное освѣщеніе и перетасовывая факты, для достиженія декоративнаго эффекта, совершенно въ разрѣзъ ихъ естественной группировкѣ. Она гналась именно за декоративностью, выдвигала на первый планъ рѣзкими, яркими пятнами не въ мѣру преувеличенные и непременно эффектированные излюбленные фигуры и моменты, оставляя въ тѣни и затушевывая тѣ, которые ей не нравились и могли вредить цѣлостности и живописной законченности картины. Вниманіе сосредоточивалось, поэтому, на одномъ внѣшнемъ, такъ сказать, парадномъ ходѣ исторіи, на поражающихъ своей чрезвычайностью и яркостью событіяхъ и эпизодахъ, да на фигурахъ неизбѣжныхъ «героевъ», которые, точь въ точь какъ на суздальскихъ изображеніяхъ знаменитыхъ генераловъ, занимали весь передній планъ историческаго полотна, съ болтающимися у ихъ ногъ, гдѣ-то назади, крошечными человѣчками, представлявшими «народъ», эскизно замалеванный однимъ взмахомъ кисти.

Вслѣдствіе такой фальшивой манеры письма и отсутствія правильности перспективы, чуть исторической правды было утрачено, какъ была утрачена и та жизненная нить исторической преемственности событій, безъ которой они теряютъ свой внутренній смыслъ и являются, какъ *Deus ex machina*. И только теперь сознана необходимость снять эту искусственную подмалевку съ событій и характеровъ прошлаго и распланировать его картины согласно естественной группировкѣ фактовъ и моментовъ, такъ беззаботно перетасовывавшихся историками-декораторами.

Такимъ-же образомъ—и можетъ быть преимущественнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ—распожжалась исторіографія красками и свѣтотѣнью въ изображеніи и изученіи петровской реформы, въ ея цѣломъ и подробностяхъ.

Начать съ того, что уже самой, несомнѣнно исполниской, фигурѣ Петра придавались какіе-то совершенно эпические, нечеловѣческіе размѣры бога, творца, одной «железной» волею своей создающаго новую жизнь, новую эру, и не только въ непреложныхъ требованіи мѣста, времени и обстоятельствъ, но какъ-бы наперекоръ имъ. Вспомнимъ, хорошо знакомые намъ со школьной скамьи, рутинные ярлыки, приданные всей этой эпохѣ: «переворотъ», «переломъ», «разрывъ», съ понятіемъ которыхъ, мы усвоивали себѣ представленіе совершенной и непримиримой раздвоенности всей русской исторіи, какъ-бы переломанной однимъ ударомъ мощной руки Петра. Это было такъ просто и въ то же время такъ эффектно. Отсюда вся преобразовательная дѣятельность петровскаго царствованія являлась чѣмъ-то внезапнымъ и насильственнымъ, какимъ-то, невѣсть откуда налетѣвшимъ—на взглядъ однихъ разрушительнымъ, на взглядъ другихъ, плодотворнымъ—ураганомъ, въ одно мгновеніе сдунувшемъ съ лица русской земли всю ея вѣковую плесень, всю «старину» — достояніе многихъ, многихъ поколѣній.

И въ самомъ дѣлѣ, перестановка декорацій и перемѣна дѣйствующихъ лицъ совершились съ замѣчательной быстротой и отчетливостью. Куда дѣвались длинныя, азіатскаго покроя, фрезы и тѣлогрѣи, горлатныя шапки и кики, осанистыя фигуры и дородныя талии,

пушистыя бороды и ветхозавѣтныя прически? Куда исчезли аскетическая замкнутость общественной и семейной жизни, тяжелая, сковывавшая каждый шагъ московскаго человѣка полувосточная, полумонастырская обрядность, отчужденіе отъ иностранцевъ и китайская нетерпимость ко всему заморскому, азіатская снѣдь и азіатская отсталость мысли, образа жизни, учреждений? Моментально, отъ всего этого, казалось, не осталось и слѣда: волшебникъ-режиссеръ, однимъ мановеніемъ, до неузнаваемости мѣняетъ сцену, декораціи, костюмы, и, какъ-бы, переноситъ насъ на коврѣ-самолетѣ изъ Азіи въ Европу, изъ сумрачныхъ, затхлыхъ кремлевскихъ палатъ въ сверкающія вкусомъ, модой и роскошью версальскія. На очищенные за минуту отъ коншинскихъ фигуръ историческія подмостки врывается шумная, пестрая блестящая толпа раззолоченныхъ, послѣдняго парижскаго фасона, кургузыхъ кафтановъ и камзоловъ, пышно вздутыхъ роброновъ, фижмъ и брызжей, завитыхъ, напудренныхъ париковъ и щегольскихъ, набекрень заломанныхъ токовъ и треуголокъ... Бойкій говоръ, французская рѣчь, гармоническіе звуки гобоевъ и клавесина, скользяція по паркету легкими па танцующія въ менуэтѣ граціозныя пары... Не сонъ-ли все это?

И среди этихъ юркихъ, элегантныхъ летиметровъ и позирующихъ, театрално-воинственной осанки, кавалеровъ—она, «царица общества», на первомъ мѣстѣ, окруженная фиміамомъ рыцарскаго благоговѣнія, утонченной вѣжливости и угодничества, свободная и гордая сознаніемъ своей власти, чарующаго обаянія своихъ обнаженныхъ бѣлоснѣжныхъ плечъ, искристыхъ, смѣлыхъ

взоровъ, своей граціи, свѣтскости и изящества... Она— та самая женщина, что еще вчера, въ четырехъ стѣнахъ своего терема, «яко пустышница» и безправная раба, «лицо свое слезами омываше», пугливая и смиренная, «разумомъ простоватая и несмышленная», всѣ идеалы которой ограничивались узкой рамкой Домостроя... Не чудо-ли свершилось передъ нами?

Все это, дѣйствительно, съ точки зрѣнія усвоеннаго нами историческаго глазомѣра, носило характеръ какой-то театральной чудесности и неожиданности. И эти-то декоративно-костюмерскія чудеса, въ связи съ картиной лихорадочно-нетерпѣливой возни, начатой Петромъ по переустройству, на нѣмецкій ладъ, всѣхъ государственныхъ учреждений, поглощали все наше вниманіе, поражали и изумляли своей внѣшней выпуклостью и своимъ безпощаднымъ, казалось, противорѣчіемъ со вчерашнимъ днемъ всей русской жизни.

Поражала насъ, а подъ перомъ историковъ-панегристовъ, превозносилась эта неслыханная инертность, эта безропотная, воспріимчивая гибкость русскаго общества, съ которыми оно такъ, повидимому, легко и дешево не только позволило, вдругъ, переобмундировать себя, но и, отрѣшилось, сразу и окончательно, отъ всего своего прошлаго, отъ всѣхъ традицій и вѣковой дѣдовской морали.

Складывалось представленіе въ томъ именно смыслѣ, что все русское общество, вся Русь, совершенно независимо отъ своихъ требованій, желаній и стремленій, «единымъ руководеніемъ Петра изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоеди-

лись къ образованнымъ государствамъ Европы», какъ это торжественно выражено въ одномъ государственномъ актѣ петровскаго царствованія.

Словомъ, картина метаморфозы Россіи и ея *пересозданія* чудеснымъ образомъ получалась въ такомъ рѣшительномъ и художественно-законченномъ видѣ, не смотря на чрезвычайность ея содержанія, что не оставлялось и мѣста сомнѣнію въ ея реальности.

Нужно замѣтить, что подобныя оптическіе обманы и иллюзіи удивительно прочно вкореняются въ сознаніи довѣрчивой толпы, и разсѣять ихъ не такъ легко, какъ кажется. Однакожъ, историческая критика уже много сдѣлала для этого. Трезвый, пытливый глазъ изслѣдователей давно проникъ за нагроможденные на этомъ «театрѣ славы» декорации и освѣтилъ ихъ закулисные стороны, а подъ новомодными, пѣмецкаго покроя, кафтанами и париками дѣйствующихъ лицъ этого «театра» давно разглядѣлъ старыхъ знакомыхъ.

Мы теперь знаемъ, что въ исторіи ни чудесныхъ превращеній во вкусъ Боско, ни «исполнскихъ шаговъ» не бываетъ, поскольку немислимо въ ней ничто случайное и внезапное, обусловленное естественнымъ теченіемъ историческихъ обстоятельствъ.

Самъ Петръ и его реформа были продуктомъ исторической необходимости; вся его геніальная, творческая дѣятельность заключалась лишь въ пониманіи назрѣвавшихъ въ народѣ прогрессивныхъ стремленій и въ умѣньихъ стать ихъ выразителемъ и руководителемъ. Стало быть, въ строгомъ смыслѣ, тутъ не было ничего насильственнаго, если не останавливаться на мелочахъ и внѣшнихъ